

Религиоведение. 2022. № 1. С. 133–146.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 1. P. 133–146.

DOI: 10.22250/20728662_2022_1_133

¹ Урманов А.В., ² Лю Ин

^{1,2} Благовещенский государственный педагогический университет

^{1,2} 675000, Россия, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104

¹ a.v.urmanov@gmail.com

² 303324248@qq.com

А.В. Урманов

Лю Ин

«Жертва вечерняя»: жизнь и смерть Фёдора Чудакова в контексте революционной эпохи

Аннотация. Через обращение к судьбе и творчеству Ф.И. Чудакова (1888–1918), одного из ярких представителей литературы Серебряного века, поэта, прозаика, публициста, печатавшегося в периодике Приамурья 1908–1918 гг., в статье решаются две взаимосвязанные задачи. Первая состоит в изучении амурской периодической печати первых послереволюционных лет на предмет выявления и объяснения реакции современников на самоубийство Чудакова, что позволяет высветить общественное мнение, степень его соответствия традиционным этическим представлениям, в том числе религиозным. Вторая заключается в выявлении воплотившейся в художественном творчестве Чудакова эволюции взглядов, приведшей его к роковому решению. Обе эти задачи нацелены на осмысление мировоззренческих, в том числе относящихся к религиозной сфере, трансформаций, происходивших в предреволюционное и революционное время – как в границах сознания отдельной творческой личности, так и в одном из провинциальных сегментов российского образованного общества.

Ключевые слова: литература Серебряного века, периодическая печать Приамурья, Фёдор Чудаков, лирика, христианское мироощущение, религиозные образы и мотивы, мотив жертвы

¹ Alexander V. Urmanov, ² Liu Ying

^{1,2} Blagoveshchensk State Pedagogical University

^{1,2} 104 Lenin Street, Blagoveshchensk, 675000, Russia

¹ a.v.urmanov@gmail.com

² 303324248@qq.com

“Evening Sacrifice”: the Life and Death of Fyodor Chudakov in the Context of the Revolutionary Era

Abstract. Through the appeal to the fate and literary works of F.I. Chudakov (1888–1918), one of the brightest representatives of the literature of the Silver Age, poet, prose writer, publicist, published in the periodicals of the Amur region in 1908–1918, the authors try to solve two interrelated tasks. The first is to study the Amur periodical press of the first post-revolutionary years in order to identify and explain the reaction of contemporaries to Chudakov's suicide, which makes it possible to highlight public opinion, the degree of its compliance with traditional ethical ideas, including religious ones. The second is to identify the evolution of views embodied in Chudakov's literary work, which led him to a fatal decision. Both of these tasks are aimed at understanding the worldview, including those related to the religious sphere, transformations that took place in pre-revolutionary and revolutionary times – both within the boundaries of the consciousness of an individual creative person, and in one of the provincial segments of Russian educated society.

Key words: literature of the Silver Age, periodicals of the Amur region, Fyodor Chudakov, lyrics, Christian worldview, religious images and motives, motive of sacrifice

Введение

В начале XX в. Россию сотрясала череда исторических катаклизмов, повлёкших за собою радикальную смену государственного устройства и системы ценностных координат, в том числе относящихся к сфере духовной жизни, религии. О причинах этого поворота можно судить по документам эпохи, по мемуарным и эпистолярным свидетельствам, по содержанию и динамике информационного потока в периодической печати, по художественным и публицистическим текстам. И здесь возможны разные, имеющие свои преимущества и свои издержки, подходы: рассмотрение всего явления в целом или же концентрация внимания на отдельных его сторонах. В данной статье избран путь постижения некоторых общих закономерностей через обращение к судьбе и творчеству Фёдора Чудакова (1888–1918), одного из представителей литературы Серебряного века, поэта, прозаика, публициста, печатавшегося в амурской периодике 1908–1918 гг. под псевдонимами *Амурец*, *Босяк*, *Ф. Ч.*, *Язва* и др.

После трагической уходя самого яркого журналиста и писателя Приамурья дореволюционного и революционного времени в течение почти века не было напечатано ни одной его строки. Возвращение художественного наследия Чудакова в современное культурное пространство началось сравнительно недавно – с выхода двух изданий [Чудаков, 2016; Чудаков, 2019]. Появляются и первые исследования, посвящённые как творчеству [Урманов, 20016; Урманов, Лю, 2020], так и самому феномену этой неординарной личности [Урманов, 2009; Кобзарь, 2018; Урманов, 2020]. Однако вопросов, которые нуждаются в осмыслении, пока ещё очень много.

Цель и задачи исследования

В статье решаются две взаимосвязанные задачи: первая состоит в изучении амурской периодики первых послереволюционных лет на предмет выявления и объяснения реакции современников на самоубийство Ф. Чудакова (что позволяет высветить общественное мнение, степень его соответствия традиционным представлениям, в том числе религиозным), вторая заключается в выявлении воплотившейся в художественном творчестве *Амурца* эволюции взглядов, приведшей его к роковому решению. Обе эти задачи нацелены на осмысление мировоззренческих, в том числе относящихся к религиозной сфере, трансформаций, происходивших в предреволюционное и революционное время – как в границах сознания отдельной творческой личности, так и в одном из провинциальных сегментов российского образованного общества в целом.

Странности и парадоксы:

периодическая печать Приамурья о самоубийстве Ф. Чудакова

С 21 по 28 февраля (по ст. ст.) 1918 г. в Благовещенске разворачивались события, вошедшие в исторические справочники под названием *Гамовский мятеж*. Накануне, с января, в городе установилось двоевластие: городской Совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил власть Советов, а земская управа, поддерживаемая казачьим войсковым правлением, отстаивала полномочия органов местного самоуправления. Непримиемые противоречия переросли в столкновения, в результате город был захвачен отрядами добровольной гражданской милиции, сформированной земскими органами. Атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов был назначен военным руководителем исполкома Народного совета, сформированного из руководителей областной и городской управ. Сторонники советской власти отступили в пригород – Астрахановку, где начали формировать вооружённые отряды и ждать подкреплений из Забайкалья и Приморья. Решающие события произошли 27 февраля (12 марта), когда отряды красных повели наступление на Благовещенск. Бой на улицах города был жестокими, применялись пулемёты и артиллерия. К вечеру Благовещенск был в руках войск революционного штаба, а 28 февраля оказались подавлены последние очаги сопротивления. Всё это сопровождалось убийством мирных жителей и грабежами. Жертвами событий с обеих сторон стали, по самым скромным подсчётам, около 400 человек. Несколько тысяч из числа противников советской власти бежали на другой берег Амура – в китайский Сахалин (ныне – Хэйхэ) [Благовещенск, 2018].

А 1 марта город облетела ещё одна страшная весть: покончил самоубийством известный журналист и поэт Фёдор Чудаков. Вместе с ним счёты с жизнью свела его жена Варвара, учительница народного училища им. Толстого. Мертва оказалась и единственная их дочь – шестилетняя Наташа.

На событие откликнулась периодическая печать, попытавшаяся выяснить причины произошедшего в доме по улице Соборной, 91 (ныне Октябрьская), установить мотивы, которыми руководствовались поэт и его жена. Предсмертная записка, опубликованная в ряде газет, особой ясности не вносила: «Ко всем. Прощайте! Уходим от вас честными и чистыми: на наших руках нет крови. Будьте счастливы! Да здравствует разум! Фёдор Чудаков. В.И. Чудакова. 28 февраля 1918 г.» [Последнее письмо, 1918]. Спустя две недели стало известно содержание прощального письма, адресованного младшему брату поэта Дмитрию, которое проливало дополнительный свет: «...Умираем радостно. Впереди видим много лет скорби и муки. Подличать и приспосабливаться не желаем. <...> Жить больше не вижу возможности. Думаю, что прожил свою жизнь честно, сделал для народа всё, что был в силах, и теперь, видя, что народ идёт по ложному пути, ухожу от жизни. Думаю, что и это честно» [Отрывок, 1918].

Судя по приведённой записке и по «Завещанию Ф.И. Чудакова» («Похоронить нас просим всех вместе, но только после того, как будет установлено, что мы мертвы, а не находимся в обмороке») [Завещание, 1918], задуман был бескровный уход. Чудаковы пытались покончить с собой с помощью угарного газа, закрыв раньше времени печные заслонки. Однако спустя какое-то время взрослые, видимо, пришли в себя. Дочь же была мертва. Остаться самим в живых после этого было невыносимо, и тогда в ход пошло хранившееся в доме охотничье ружьё...

К объяснению причин случившегося обратимся ниже, а пока сосредоточим внимание на ряде важных обстоятельств, кажущихся невероятными в силу их расхождения с господствующей моралью, сформировавшейся под влиянием государственной религии – православия. Речь об отношении общества и церкви к таким явлениям, как самоубийство и убийство.

Идущую от Достоевского и прочно укоренившуюся в сознании российского образованного общества мысль о «слезинке ребёнка»: о том, что у человечества нет ни единой цели, которая оправдывала бы страдания, а тем более гибель невинного дитя, в данной конкретной ситуации никто не использовал – ни прямо, ни даже в виде скрытого намёка. Остаётся понять – почему. То ли из деликатности, из какого-то пиетета по отношению к ушедшему поэту, то ли просто потому, что его современники не находили оснований для проведения параллели. Так или иначе, но ни в одном известном на данный момент печатном отклике слова о «слезинке» не прозвучали.

Остаётся открытым и вопрос, приходила ли Фёдору с Варварой, когда они решали участь дочери, мысль о «слезинке ребёнка», стояла ли перед ними та дилемма, которую выстраивал в разговоре с братом Алёшей Иван Карамазов. В тех нескольких письмах и записках, которые Чудаковы написали перед смертью, они не объясняют причину своего решения, не оставившего ни единого шанса дочери. Но даже эта зияющая пустота в прощальных посланиях не вызвала вопросов у тех, кто обращался к теме ухода. Почему столь принципиальный вопрос остался вне зоны публичного обсуждения – ещё одна загадка. Рассмотрим эти и некоторые другие парадоксы, которые обнаруживаются при обращении к печатным свидетельствам.

Странность первая: реакция церкви. Сейчас в это трудно поверить, но похороны, состоявшиеся 4 (17) марта, прошли на Вознесенском кладбище по православному обряду: чин погребения, как свидетельствуют архивные документы, осуществляли священник Леонид Знаменский и дьякон Стефан Бухтояров [Кобзарь, 2018, 359]. Более того, самоубийцы были похоронены в одной могиле с ребёнком, которого они лишили жизни: «Фёдор Иванович похоронен на Вознесенском кладбище <...>; его жена и девочка погребены вместе с ним в одной могиле» [Похороны, 1918]. Совершавшие обряд священнослужители не могли не знать о тяжком грехе родителей девочки, однако не воспрепятствовали погребению всех троих в одной могиле. То есть, получается, чуть ли не сняв с родителей Наташи грех самоубийства и убийства. Если подходить к ситуации формально, учитывая только

факты, священники действовали как будто бы вопреки церковным запретам. При этом никого вокруг их участие в похоронах, похоже, не только не возмутило, но даже не смутило. Напрашивается предположение: в сфере религиозного сознания (пусть даже на бытовом уровне) произошло размывание прежде незыблемых границ, подверглось эрозии то, что ранее имело чёткую этическую маркировку. То, что какое-то время назад строго табуировалось, теперь мало того, что сделалось допустимым, но и, видимо, не требовало даже объяснений. Если газеты не делали оговорок на этот счёт, следовательно, читатели и не нуждались в них.

Странность вторая: откликнувшиеся на уход Чудаковых газеты, а они в ту пору представляли сравнительно широкий спектр мнений, оказались на редкость единодушны. И это в условиях, когда общество было расколото на множество группировок, ведущих ожесточённые споры по любому поводу. А здесь, в такой, казалось, неоднозначной ситуации – никаких споров! Ни словом, ни намёком газеты не попрекнули поэта и его жену: сам факт совершенного ими не скрывался, но и не использовался как основание для осуждения. В газетных публикациях Фёдор и Варвара не именовались «самоубийцами», тем более «убийцами». Репортёры обычно использовали слова «погибшие», «ушедшие», «умершие», не имевшие негативной коннотации. При описании похорон акцент делался исключительно на выражении скорби по поводу безвременной кончины поэта: «...На похороны любимого юмориста собралось очень много публики. К 4-м часам дня к бывшей квартире Чудаковых набралось свыше 300 человек. Когда понесли покойных, процессия значительно увеличилась, а около церкви сопровождавших было уже около 500 человек. / Лежавшие в гробах умершие были обложены множеством живых цветов. Гробы несли на руках близкие Ф.И. и его почитатели. Тут были и рабочие-печатники, и металлисты, и служащие, и учителя. <...> Над могилой поэта не было сказано никаких речей, ибо все были слишком подавлены утратой всеми любимого человека» [Похороны, 1918]. Автор заметки вообще не фиксирует внимания на обстоятельствах, которые могли бросить тень на *Амура*.

В целом, общественная реакция на самоубийство (отягощённое убийством) поэта была для Приамурья беспрецедентной: никогда прежде и никогда в последующем смерть литератора не вызывала такого мощного и продолжительного резонанса. Никакая другая утрата не казалась настолько непоправимой. Горечь, которую испытали современники *Амура*, доносят буквально все печатные отклики, в том числе некролог, опубликованный в Хабаровске спустя девять дней после трагедии:

«...Талантливый поэт-сатирик, краса и гордость журнальной братии всей Сибири... Фёдор Иванович... был одарён исключительными способностями, пользовался большой известностью как высокоталантливый поэт и сатирик, достойный почётно́го места на русском Парнасе.

...Величайшая, никем и ничем не заменимая утрата – эта смерть.

<...> Замолчал чуткий лирик и талантливейший сатирик.

Край наш потерял великого человека!

Прощай, великая и чуткая душа и прекраснейшая жемчужина края!» [Чудаков, 1918].

На протяжении 1918-го оценки Чудакова не меняются. Мало того: интерес ко всему, что с ним связано, настолько возрос, что в том же году с периодичностью раз в две недели в Благовещенске стал выходить журнал «Чайка», провозгласивший одной из главных программных задач оценку личности и творчества ушедшего автора. Редактор-издатель «Чайки» – журналист Михаил Катаев, знавший Чудакова по совместной работе в газетах «Амурское эхо» (в 1916–1917) и «Народное дело» (в 1917–1918). Значительное место в «Чайке» занимали произведения Чудакова, а также статьи и воспоминания о нём. «Чайка», кроме того, координировала усилия общественности по увековечению памяти *Амура*.

В ряде статей редактор-издатель «Чайки», отмечая, что в лице Чудакова «угасло недюжинное поэтическое дарование, умер в самом расцвете крупный талант», основной упор всё же делал на том, что поэт останется в памяти из-за самоубийства: «Гражданская война в Благовещенске унесла тысячи жертв. Их оплачут и забудут. Но трагический конец поэта будет долго жить в памяти народной.

Сказание об этом ужасном конце передастся из поколения в поколение. И личность поэта делается легендарной, символической, олицетворяющей великую скорбь, муку и боль за поруганную родину, <...> за всё то, во что верили, за что боролись, страдали и гибли, отдавая все свои силы и жизнь, многие поколения лучших русских людей – рыцарей идеи, мысли и чувства» [Катаев, 1918, 1]. Обращает на себя внимание то, что Чудаков стал использоваться противниками большевиков как разоблачительный аргумент в идейном противостоянии с ними.

Мало что изменилось в оценках и в публикациях 1919 и 1920 гг. Целая серия материалов подобного рода появилась в газете «Амурская жизнь» в первую годовщину гибели Чудаковых. В большинстве публикаций рассказывалось о многочисленных инициативах по увековечению памяти поэта и его семьи: о сборе средств на памятник (1919. № 48. 9 марта. С. 3; № 50. 12 марта. С. 3, 4; № 139. 5 июля. С. 3), об учреждении стипендии имени Чудаковых (1919. № 48. 9 марта. С. 3), об устройстве при детской библиотеке-читальне им. Л.Н. Толстого отдела для юношества и взрослых, посвящённого памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых, и отдела для малюток памяти Наташи Чудаковой (1919. № 50. 9 марта. С. 3). Помимо этого, в «Амурской жизни» печатались материалы, заострявшие вопрос о виновниках трагедии. И все без исключения авторы сходились на том, что Чудаков ни в чём не виноват. Приведём одну из таких публикаций, которая уже самим названием снимала вопрос о вине *Амура*: «Памяти светлого поэта и его семьи»:

«На другой день после кошмарных событий в нашем городе <...> покончила свои расчёты с жизнью *семья Чудаковых*: Фёдор Иванович, его жена Варвара Ипполитовна и их дочурка – Наташа.

Самоубийство <...> явилось прямым следствием тех массовых смертей, которыми ознаменовался день 27 февраля 1918 года, день завоевания города сторонниками советской власти.

В этот день, после диких средневековых сцен, разыгравшихся на улицах Благовещенска, Фёдор Иванович решил, что больше не может жить.

Его заветные идеалы, его вера, его мечты, молитвы и сны, – всё было в этот кошмарный день разбито, раздавлено, забрызгано тёплой дымящейся кровью...

И он погиб. Он ушёл в серый туман небытия и увёл за собой свою семью.

Ушёл во мрак могилы он, наш светлый поэт *Амурец*...

И, может быть, <...> никакое событие нашего времени так значительно не выявляет истинной оценки бесконечной русской революции, как мрачная смерть светлого и чистого сердцем *Амура*» [Памяти, 1919].

Автор демонстрирует логику, которая в состоянии удивить читателя, находящегося вне описываемого событийного и временного контекста. В соответствии с ней, вина лежит исключительно на внешних по отношению к *Амуру* обстоятельствах, которые «раздавили» его «веру», «молитвы и сны». Само появление религиозной лексикой (*вера, молитва*) говорит само за себя. Стоит обратить внимание и на то, что для обозначения поступков Чудакова автор использует не прямую и точную номинацию (*застрелил, убил, совершил самоубийство*), а эвфемизмы: «ушёл в серый туман небытия», «увёл за собой свою семью», «ушёл во мрак могилы». Подобные риторические фигуры и позволяют если и не снять, то обойти самые острые в контексте христианской культуры вопросы.

Через два года после «ухода» Чудаковых в Благовещенске (он, как и в марте 1919-го, всё ещё был свободен от большевиков) появился специальный, разовый выпуск газеты, посвящённой печальной дате [Светлой памяти, 1920]. Отношение к тому, что произошло в ночь на 1 марта 1918 г., и здесь не вызывало споров: друзья, журналисты, представители интеллигенции, касаясь темы ухода, именовали Чудакова *жертвой* гражданской уособицы. Вот только одна типичная публикация в «однодневной» газете – статья литературного обозревателя, публициста Петра Малыхина «Великая жертва»:

«Кто же виноват в смерти Фёдора Ивановича и его семьи? Кому мы должны сказать: “Эта чистая кровь на твоих руках”? Кому?

Всем вообще и никому лично. Виновата трагическая судьба нашей матери России, судьба, вызвавшая из мрачной бездны кровавого духа, грозного бога гражданской войны.

На раскалённые руки этого кровавого бога Молоха русский народ положил много, много жертв, и среди этих жертв самая невинная, и может быть, самая совершенная жертва – семья Чудаковых!..

Фёдор Иванович погиб потому, что был чист душою...» [П. М., 1920].

Вторую годовщину отмечали и в других городах Дальнего Востока. Так, во владивостокской газете «Голос Родины» было напечатано посвящённое памяти поэта большое стихотворение Николая Шилова – одного из самых ярких литераторов Приамурья, а позже и харбинской эмиграции. Оценки Н. Шилова не расходятся с теми, что цитировались выше: «...Безмерен ужас... Безбрежно горе... / Его не могут вместить дома... / Но, умирая, он крикнул зоре: / “Да светит солнце, да сгинет тьма!” // Он умер с верой в народный разум, / В грядущий светоч родной страны, / Среди поэтов блеснув алмазом / Неизмеримой величины...» [Шилов, 1920].

Зададимся вопросом: а могло ли случившееся с Чудаковыми оцениваться иначе – пусть и не всеми? Оснований для этого более чем достаточно. Тем не менее, периодика 1918–1920 гг. альтернативной точки зрения не представила. В восприятии личности *Аму́рца*, а главное – в оценке того, что произошло с его семьёй, современники поэта совпадали полностью, что с позиций дня сегодняшнего кажется по меньшей мере удивительным.

Представим гипотетическую ситуацию: эти же события оценивают читатели, непосредственно не видевшие и не слышавшие Чудакова, не испытывавшие на себе обаяния его личности, не читавшие ежедневно на протяжении десяти лет его произведений, не переживавшие вместе с ним трагические события конца февраля 1918 года. То есть читатели, которые реагируют лишь на сам поступок, о котором узнают из средств массовой информации. Собственно, воображать такое нет необходимости. 13 марта 2018 г. информационный портал Амур.инфо разместил заметку «100 лет назад в Благовещенске убил семью и себя поэт и сатирик Фёдор Чудаков». Материал не содержал оценок – только напоминал о самом событии вековой давности. В течение нескольких дней заметка набрала почти три тысячи просмотров – сравнительно много для данного рода материалов. Немало было и комментариев – 54, причём в подавляющем большинстве совпадающих в оценке Чудакова. Приведём некоторые: «Идиот... я про “талантливого сатирика”» (*Туж2*); «Пытаются из этого маньяка мученика слепить!?» (*Slon*); «Его проклясть надо во веки веков...» (*Павел Флудерский*); «Даже читать его произведения нет желания. Правильно, что предали забвению, и нечего было вытаскивать из небытия» (*Tm*); «Забыть его, как последнюю поганую псину, и не вспоминать во веки веков» (*Jackson*); «Тварь... Мало того что сам шизанутый, он ещё и другие жизни забрал» (*Сергей вокалист*); «Кто будет читать эту ахинею человека не совсем адекватного и психованного по сути» (*Лингвист*); «Чтобы войти в историю Благовещенска, нужно написать стихи и убить потом детей, супругу и покончить жизнь самоубийством? К чему призывает такая вот кому-то нужная история?» (*Tina22*); «Больной придурок» (*Валидол*); «Слабый духом просто, думал, что семью спасает» (*Gorojanka*) [100 лет назад, 2018].

Как видим, оценки 1918 и 2018 гг. расходятся. Но если реакция наших современников, даже не беря во внимание грубость суждений, в общем-то предсказуема и особого удивления не вызывает, то отклики современников *Аму́рца* требуют дополнительных материалов, способных приблизить нас к постижению смысла и причин происходившего век назад. Те, кто писали о Чудакове в 1918–1920 гг., очевидно, знали и понимали нечто такое, что недоступно пониманию многих сегодняшних интерпретаторов.

Попробуем найти объяснение случившемуся, обратившись к творчеству Чудакова. Логику его мировоззренческой эволюции, которая определила траекторию жизненной судьбы и предопределила трагический финал, максимально близко способна передать лирика – непосредственное выражение переживаний поэта.

Лирика Ф. Чудакова как ключ к пониманию трагического финала и реакции на него современников

Хотя широкую известность Чудакову принесли остроумные стихотворные фельетоны, современники неизменно отмечали и его незаурядный лирический дар. А видный сибирский критик Михаил Басов, знавший Чудакова по совместной

работе в «Амурском эхе», вообще выше оценивал лирический талант *Амурца* и называл его «крупным поэтом», в стихах которого можно найти «ценные отзвуки целой эпохи» [Басов, 1922, 159].

Так или иначе, но именно лирика даёт наиболее точное представление о душевно-духовном наполнении личности Чудакова на разных отрезках его жизни. О том, какие качества были присущи поэту изначально, что называется от рождения, свидетельствуют стихи, тематически обращённые к детству, например, «Степная сказка» (1909), проникнутая ностальгией по *утраченному раю* – по тому, что и спустя годы, в воспоминаниях, продолжает греть душу и притягивает к себе: «Когда настанет ночь, и город суетливый / Раскинет по углам огней вечерних цепь, – / Я уношусь душой на пажити и нивы, / В необозримую, родную сердцу степь» [Фёдор Ч., 1909]. Мир, который открылся поэту в детские годы, предстаёт как идиллия, как воплощение совершенства: «То был наш тихий рай, исполненный чудес...»; «сказочная быль» [Фёдор Ч., 1909]. Хотя автор не делает особого упора на религиозности, тем не менее, мироощущение лирического героя имеет христианский характер. Произведение высвечивает такие свойства личности, как светлое мировосприятие, ощущение мира как воплощённой божьей благодати, переполняющая душу радость и в то же время осознание хрупкости земного существования, повышенная эмоциональность, граничащая с экзальтацией, сердечная отзывчивость на чужую боль, устремлённость души к гармонии как бытийному идеалу.

К моменту появления первых произведений Чудакова в амурской периодике (конец 1908) за плечами у двадцатилетнего, вполне уже сформировавшегося поэта был немалый жизненный опыт: беззаботное детство в небольшом городке Чембар Пензенской губернии, а после «кровавого воскресенья», как реакция на жестокость власти – участие в революционном движении, арест, приговор, суровая енисейская ссылка, дерзкий побег, камеры нескольких тюрем: чембарской, пензенской, красноярской пересыльной (а вскоре – с 1 января 1909 г. – и благовещенской «горки»).

После полугодичного тюремного заключения Чудаков, до февраля 1917-го находившийся под гласным надзором полиции, быстро превратился в ведущего сотрудника благовещенской газеты «Эхо». Тогда же он издал небольшой поэтический сборник «Пережитое» [Босьяк, 1909], который даёт представление о том, что испытал автор в 1908 г. на пути из енисейской тайги в Приамурье. Лирический герой здесь – человек, в душе которого разрастается, бьёт ключом радость: и от созерцания величественной сибирской природы, и от того, что удалось вырваться из неволи, и от ощущения огромных жизненных сил.

Большая часть стихов сборника рисует сибирскую тайгу, которая в восприятии обретающего свободу ссыльного предстаёт одухотворённой. В стихах, на сюжетном уровне не имеющих связи с церковностью, религиозностью, лирический герой наделяется способностью ощущать в природе присутствие Бога: «Тайга кадила вешним ароматом... / Вдали звенели крики журавлей... / Цвели цветы, и в воздухе, объятom / Дремотою и запахом полей, / Как первый гром, как мощный голос Бога, / Гремел прибой могучего порога» («Побег»). Ещё более выразительный пример – стихотворение «Весеннее»: «Подняла могучую выю / Тайга, забытые отряхнувши, / И тихо поёт литургию, / Молитвенно ветви нагнувши. // А трели пернатого клира / Звенят в глубине небосвода. / Да здравствуют гении мира – / Весна и свобода!» [Босьяк, 1909]. На первый взгляд, может показаться странным сочетание религиозной лексики (*литургия, клир*) и общественно-политической (*свобода*). Однако в данном образном и смысловом контексте свобода – понятие не столько социально-политическое, сколько онтологическое. Свобода, в представлении поэта, – высочайшая из бытийных ценностей. Не будет, думается, натяжкой утверждение, что представления *Амурца* о свободе вполне соотносимы с высказанными позже идеями Н.А. Бердяева, считавшего, что свобода «первичнее бытия», что «Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу», что «христианство есть религия любви и свободы» [Бердяев, 1991, 56, 312].

Обращает на себя внимание, что религиозным мировосприятием в стихах Чудакова обладает беглый ссыльный, революционер, эсер, как будто бы сугубый материалист, в будущем – автор язвительных фельетонов о «попах». Употребление

в стихотворении церковной лексики (*литургия, клир, молитвенно*) – не только языковая форма или приём, но и отражение особенностей мирозерцания автора. Воспринимать то, что происходит в просыпающейся весенней тайге, как божественную литургию, как богослужение, щебетанье лесных птиц – как церковное песнопение, а в деревьях увидеть молящихся, способен лишь тот, кто обладает религиозным мироощущением.

Данная особенность восприятия природы проявляется не только в «Пережитом», но и в произведениях, написанных позже, например, в стихотворении «В зимовье» (1914), в котором сама природа поёт хвалу Богу: «И, засыпая, видит взгляд / Улыбку светлого Гилюя, / И не смолкая, – “аллилуйя” / Поёт гремучий водопад» [Фёдор Ч., 1914]. Или же в поэтическом цикле «Голубое, зелёное, белое» (1913), где природный мир предстаёт как объект религиозного поклонения: «Иди! Нельзя с дороги сбиться: / Везде свобода, жизнь и Бог! / А если хочешь помолиться – / Ковёр тебе – зелёный мох» [Босяк, 1913]. В коротком перечислительном ряду у Чудакова соседствуют, сопрягаются важнейшие для него бытийные ценности: свобода и бог. Лирический герой молится (испытывает потребность молиться), но не в церкви, не перед иконами, а среди природного мира, в тайге. Приведённые строчки дают основание говорить о пантеизме Чудакова – о пантеизме, не являющемся чисто языческим. Природа в представлении автора сливается с православным храмом, выступает как аналог церкви. «Тайга молчит... Вершины сопок – / Великой церкви купола» [Босяк, 1913]. В пейзажной лирике *Амура* природа является поэтическим эквивалентом бога и представлена не только своей эмпирической, материальной видимостью, но и идеальной сущностью. Может показаться, что Чудаков перепевает раннего Есенина, но нет – есенинская «Радуница» появится лишь в 1916-м. Похоже, что Чудаков, покинувший мир в начале 1918-го, не успел познакомиться с творчеством Есенина. Прямых аллюзий на есенинские стихи в поэтическом наследии Чудакова обнаружить не удалось, но родство мироощущений двух поэтов несомненно.

В каком возрасте, под воздействием каких факторов в сознании *Амура* произошёл переворот, когда он увидел уродливые стороны бытия? Если судить по лирике, даже в самых первых стихах, опубликованных в Благовещенске, это осознание уже живёт в нём, причиняя душевные муки. Ощущение глубинной трагедийности человеческого существования пришло к нему где-то на границе между детством и взрослой жизнью. Поэт обозначает эту границу расплывчато, деля свою жизнь на два периода: «в детстве» и «теперь». Так он разграничивает собственную жизнь в стихотворении «Сны» (1913) с его рефреном «В детстве снились...» В отличие от интонационно и тематически близкой «Степной сказки», здесь всё строится на контрасте между идиллическим прошлым, душевной чистотой, гармонией детского мировосприятия, не замечавшего в окружающем мире дисгармонии, и кошмарным настоящим – уродливой российской действительностью, меняющей мироощущение: «В детстве снились океаны, / Небо, ангелы и Бог... <...> В детстве снилось голубое / Небо, ангелы и Бог. / А теперь... в ночном виденье / Снится только протокол, / Запрещенье, выселенье / И тюремный частокол...» [Амурец, 1913]. И хотя фиксируемые автором «Снов» искажения внешне носят не инфернальный, а вполне себе «земной» – социальный характер, осознаются они лирическим героем как сущностный, онтологический изъян: «протокол, запрещенье, выселенье и тюремный частокол» – всё это направлено на устранение свободы как сущностного, первичного свойства мироздания. Как то, что не может быть устранено только обычными, повседневными занятиями, в том числе политической борьбой.

Мысль о том, готов ли он сам во имя восстановления утраченной или чаемой гармонии на жертву, приходит к поэту задолго до февраля 1918-го. В декабре 1911 г. Чудаков публикует стихотворение «Раздавленные», в котором примеривает на себя будущий жертвенный подвиг: «Если нужно страдать – я согласен... / Если *нужно* страдать для того, / Чтобы мир стал как утро прекрасен, / Чтоб согреть и осмыслить его, – / *Так* страдать я согласен!» [Язва, 1911]. Слова *нужно* и *так* актуализированы с помощью курсива самим автором. Уже в этом раннем стихотворении содержится зерно ответа на вопрос о причинах трагического ухода Чудакова. Уже в 1911-м

он внутренне готов пожертвовать собой, но только ради подлинно высокой цели – возвращения миру изначального совершенства. Чудаков отвергает для себя возможность жить и умереть, не совершив титанической попытки исправить искажённый злой волей мир. Для него нет смысла ни в жизни, ни в смерти, если они не помогают изгнать из мира тьму (которая в данном образном ряду – метафора мирового зла): «Стыдно... лучшие силы ума / В безразличие позорном застыли... / В сердце – ворох обломков и гнили. / Жили-были?.. Не жили, но были. / И ушли... И не дрогнула тьма!» [Язва, 1911]. Жизнь для поэта – не обычное физическое, земное существование, а борьба – и не столько политическая, сколько онтологическая – с мраком, за торжество солнечного света (метафора Христа). Страдания, жертвы для поэта имеют смысл только тогда, когда приносятся во имя победы света над мраком, ради спасения мира. Приносить себя в жертву для решения каких-то частных задач поэт не готов: «В том страданье поэзии нет, / В нём отсутствует солнечный свет...» [Язва, 1911]. К месту вспомнить удивившие многих своей как будто бы нелогичностью (в контексте подготовки человека к самоубийству) слова Чудакова в одной из его предсмертных записок: «Да здравствует солнце!» [К подписчикам, 1918]. На деле же эта прощальная фраза вполне логична: то, к чему готовился *Амурец*, воспринималось им как жертва во имя торжества света. Понимал это и друг Ф. Чудакова Н. Шилов, строчки которого цитировались выше: «...умирая, он крикнул зоре: / “Да светит солнце, да сгинет тьма!”» [Шилов, 1920].

А потому ошибочными являются попытки поставить под сомнение принадлежность Чудакова к христианской системе ценностей. Тип его сознания вполне отвечает ключевому критерию, о котором писал Г. Федотов, размышляя об особенностях христианского мировидения: «Пронзён ли художник <...> злом мира, его греховностью, его страданием? Смотрел ли он в глаза смерти и тлению? Сораспался ли он Христу в лице малейшего из его братьев?.. Если да, если осанна его прошла через ужас и страдание, его видение мира будет христианским, его муза – от Святого Духа» [Федотов, 1990, 211]. Если спроецировать это высказывания на Ф. Чудакова, ответы будут положительными.

В стихах, обыгрывающих религиозные мотивы, Чудаков чаще обращается к образам, имеющим ветхозаветные истоки, но в системе его ключевых символов и координат есть и Христос – пусть и не вполне канонический, но очень личный. Так, в стихотворении «Проводы Весны» (1911) Христос – символ воскресения, невозможного без повторения жертвенного подвига. В представлении поэта, Христос не может вновь воскреснуть и изменить мир в силу того, что лирический герой отказывается от своей личной Голгофы, надеясь добиться желанного без крестных мук: «А ведь думал я вылепить новую жизнь / Из осколков разрушенных грёз. / И опять мою мощь буйный ветер унёс, / И опять не воскрес мой Христос!» [Язва, 1911].

Мысль о том, что путь избавления от тьмы неизбежно пролегал через крестные муки, с годами лишь усиливается в сознании лирика, достигая максимальной остроты в последний месяц жизни. В 1918-м, накануне трагедии, она буквально пронизывает его тексты. Среди них особо выделяется стихотворение «Верую!», опубликованное в 1-м номере издававшегося Чудаковым журнала «Дятел, беспартийный». Ключевой мотив этого программного стихотворения – спасение через крестные муки, готовность к ним. Есенин в том же 1918 г. в посвящённой пророку Иеремии поэме «Инония» отвергал не только ветхозаветного карающего бога, но и принявшего муки Христа: «Не хочу воспрять спасения / Через муки его и крест: / Я иное постиг учение / Прободающих вечность звезд. // Я иное узрел пришествие – / Где не пляшет над правдой смерть...» [Есенин, 1990, 243]. В отличие от Есенина, мечтавшего о вере «без креста и мук» [Есенин, 1990, 249], его современник Чудаков иллюзий не испытывает, его вера строится на готовности повторить жертвенный путь Христа: «Крестные страсти / Полной изведавши мерю, <...> / Верую!» [Ф. Ч., 1918]. Муки, через которые суждено пройти ради спасения мира, его не страшат, он готов принять их без колебаний: «Муки ли терний / Жертве вечерней / Страшны? Могучею верую, / В горе испытана, / Всё победит она! / Верую!» [Ф. Ч., 1918]. Выражение «жертва вечерняя», как известно, восходит к 140-му псалму Давида, к строкам: «Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое, воздеяние рук

моих – как жертва вечерняя». Ветхозаветный текст является отражением древнееврейского обычая во время вечерней молитвы приносить Иегове ритуальную жертву, позже заменённого ритуалом *воздеяния* (воздевания) рук, что заменяло и знаменовало жертвоприношение. В русской литературе советской эпохи выражение это часто использовалось ради комического эффекта. В стихотворении же Чудакова оно сохранило свой первоначальный смысл: поэт выражает готовность стать той самой изначальной (буквальной) «вечерней жертвой», заявляет о том, что терновый венец не страшит его.

А в 6-й, последний подготовленный им номер «Дятла...» поэт включил стихотворение «Из книги пророка Иеремии» – новую редакцию текста, опубликованного около восьми лет назад под заглавием «Из пророка Иеремии». То, что в 1910-м виделось ему лишь как один из возможных вариантов будущего, теперь, после Октября 1917-го, стало реальностью, а потому новая редакция стихотворения приобретает больший драматизм.

Композиционно стихотворение (и в первой, и в итоговой редакции) распадается на две части. Первая (в первой редакции) – призыв сокрушить Вавилон, стать орудием «гнева Иеговы»: «Воспряньте, сильные! Садитесь на коней! / Раскройте древние знамёна – / И мчитесь – быстрые, как вихорь средь полей, / И дрогнут стены Вавилона!..» [Фёдор Ч., 1910]. Во второй редакции Вавилон не упоминается: «Воспряньте, сильные! Садитесь на коней, / Берите копья и секиры, / И мчитесь, быстрые, как вихорь средь полей, / И рухнут старые кумиры» [Ф. Ч., 1918]. Но главное отличие – во второй редакции появляется образ Ханаана – земли обетованной, обещанной Иеговой Аврааму и его потомкам: «На Ханаан! Он был отцам отцов / Обещан словом Иеговы!» В системе авторской образной символики библейский Ханаан воплощает идею возвращения утраченного когда-то рая.

Вторая часть в первой редакции – горькая констатация, что воины не исполнили долг, сбежали с поля боя, а потому не заслуживают ничего, кроме позора: «Не срывайте цветов, не плетите венков – / Беглецы не бывают героями. / В раны тяжкие нам не вливайте бальзам / И как псов отгоните побоями!» [Фёдор Ч., 1910]. Во второй редакции появляется уточняющая деталь – воинам даже не требовалось приносить себя в жертву, их «прогнали ручными побоями», а не смертоносным оружием. Финальная строфа – сетования по поводу того, что бесценный дар – свободу – современники Чудакова упустили, проспали: «Мы проспали мечи под покровом ночи, / Виноградным вином опьянённые. / И под отчий шатёр принесли лишь позор / Да презренье... Мы – пьяницы сонные» [Ф. Ч., 1918]. Если последняя строфа первой редакции заканчивалась строчкой «О, проклятье вам, пьяницы сонные!», адресованной другим, то во второй редакции поэт и себя относит к тем, кто оказался не готов к жертве: «Мы – пьяницы сонные». О том, что значит в образной системе стихотворения «вино виноградное», остаётся гадать. Возможно, автор имеет в виду то опьянение, которое испытали многие из мечтавших о свободе, в том числе сам Чудаков, во время Февраля 1917-го.

За четыре года до трагедии в «Эхе» был напечатан прозаический *набросок* «Убитая песня», который тоже помогает понять причину случившегося в 1918-м. Автор рисует пасхальный апрельский день, совпавший с открытием охотничьего сезона. Место действия – Будунда (совр. Ивановка), левый приток Зеи, небольшая речка, впадающая в неё немного выше Благовещенска, на противоположном берегу, в районе села с тем же названием (ныне Усть-Ивановка). Эти места Чудаков любил, бывал здесь часто, они описаны или упоминаются во многих его произведениях – стихах, фельетонах, рассказах. Отстав от товарищей, рассказчик расположился на песчаном берегу и, отставив в сторону ненужное ружьё, отдался созерцанию и размышлениям: «А я сидел и думал о том, чего уже нет, и о том, чего никогда не будет» [Ф. Ч., 1914]. Позади раскинулась могучая в своём весеннем разливе Зея, перед ним – впадающая в неё чуть правее небольшая мутная речка, а за нею «сверкали маленькие оконца мазанок, рыбацких хатёнок». Дальше же, уходя влево, раскинулось большое село, в котором был мужской монастырь, откуда доносился пасхальный колокольный звон: «От колокольного звона воздух казался густым и пухлым, и тонули в нём серебряные песни жаворонков...» Сверху нависало бездонное голубое

небо, светило солнце, пролетали гуси, но без обычного своего гогота, молча, словно и их завораживал «сочный монастырский звон». Пахло мёдом цветущей талины и острою сыростью мёртвых трав. И вдруг до рассказчика донеслось пение, вначале почти неуловимое. От монастыря к речке шёл человек в чёрном монашьем одеянии и пел мягким баритоном «какую-то священную песнь». Не всё в этом «величаво-грустном напеве» можно было разобрать, рассказчик улавливал только отдельные слова: «И вознесу... и вознесу...» По мере приближения монаха исполняемая им «пасхальная, светлая песня» звучит всё явственней. Вторя колоколам, она навевает рассказчику «тихое умиление». В этой кульминационной сцене с максимальной отчётливостью проявляется устремлённость души автора – к умиротворению, любви, покою. Устремлённость к идеалу, совершенству, к красоте и гармонии – и природной, и социальной, и душевной, и небесной, горней, воплощённой в светлом пасхальном песнопении, в обещающем вечность колокольном звоне:

«Обещала песня мир, прощение, успокоение. И хотелось верить в этот мир. Ибо стосковалась давно душа по миру.

Какое-то очарование несло его пение. В нём было больше, чем слова и голос. Чувство ли в нём было, или густой весенний воздух наполнял его какою-то неведомой, чудесной силой.

И хотелось слушать долго-долго. И забыть всё» [Ф. Ч., 1914].

И в этот самый момент, когда душа рассказчика, замороженная, умиленная, просветлённая песнопением, достигает зенита, раздаётся громкий омерзительный смех: издевательски гогочут, ржут, хрюкают над монахом, над его пением, над пасхальным гимном «два чернобородых» существа у одной из рыбацких мазанок: «И-го-го! И-го-го!.. Хррр! Хррр!»

«Песня оборвалась. Монах обернулся и, словно испуганный, быстро пошёл назад к монастырю.

И всё стало пусто. На мгновение.

А потом опять раздалось гоготание и вслед – ругань, чёткая и жёсткая. Под её ударами быстро бежал к монастырю монах.

А я – почему не знаю – вскочил, схватил ружьё и выстрелил. Вверх, в воздух.

Я хотел протестовать свинцовым гулом против насилия над песней. Протестовать громко, стальным криком, чтобы поняли они, что убили что-то хорошее, святое...» [Ф. Ч., 1914].

Этот разрывающий сердце финал «Убитой песни» – проекция того, что Чудаков совершит в конце февраля 1918-го: «свинцовым гулом», «стальным криком» он выразит протест «против насилия». Эти «громко» прозвучавшие выстрелы призваны были остановить тех, кто залил Благовещенск кровью и собирался и дальше действовать так же: «чтобы поняли они, что убили что-то хорошее, святое...»

Словесное размежевание с бывшими соратниками, оказавшимися теперь убийцами и грабителями, не казалось Фёдору и Варваре достаточным для выражения своего неприятия большевизма. Нужен был поступок, а не слова, которые никого отрезвить не могли. Ценой собственных жизней, ценой жизни ребёнка они хотели выразить отношение к тому, что творятся вокруг. Фёдор и Варвара сделали всё, что было в их слабых человеческих силах, чтобы образумить убийц, чтобы предостеречь их от дальнейших преступлений, и тем попытались спасти жизни других людей, чужих детей. Это была их Голгофа, их жертвенная попытка остановить неумолимо надвигающуюся на Благовещенск, на всю Россию гражданскую войну.

Очевидно, что современники Чудакова, его друзья и его читатели, в том числе и православные священники, все, кто находился в центре кровавых событий, понимали смысл жертвенного поступка Ф. Чудакова, и поэтому не спешили с осуждением. Этот поступок человека с ярко выраженным религиозным сознанием может быть адекватно понят только в парадигме религиозного сознания. Современные же комментаторы обычно судят с позиций «гуманистического» (безрелигиозного) сознания, а потому так вопиюще диссонируют их оценки с теми, что сделаны были в 1918–1920 гг.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что культурный, религиозный разрыв в российском общественном сознании произошёл не в начале XX в., как мы предполагали, а позже – в советскую и постсоветскую эпоху. Или, возможно, он не сопровождался тогда кардинальным отказом от христианской ценностной основы. В 1910-е гг., как показывает история Ф. Чудакова, происходил скорее отказ от догматических представлений, от мёртвого канона – в сторону более глубокого понимания сущности христианской этики.

Библиографический список

1. 100 лет назад в Благовещенске убил семью и себя поэт и сатирик Фёдор Чудаков [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.amur.info/news/2018/03/13/135755> (дата обращения 30.03.2018).
2. Амурец. Сны / Амурец // Эхо. – 1913. – № 1400. – 22 августа (4 сентября). – С. 3.
3. Басов, М. Ф.И. Чудаков / М. Басов // Сибирские огни. – 1922. – № 1. – С. 158–161.
4. Бердяев, Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 446 с.
5. Благовещенск. Март 1918 / Отв. ред. А.В. Телюк. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2018. – 464 с.
6. Босяк. Голубое, зелёное, белое / Босяк // Эхо. – 1913. – Прибавление к № 1287. – 27 марта (9 апреля). – С. 1.
7. Босяк. Пережитое: стихи / Босяк. – Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. – 29 с.
8. Есенин, С.А. Инония // Есенин С.А. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Сов. Россия, 1990. – Т. 1. – С. 243–249.
9. Завещание Ф.И. Чудакова // Дятел, беспартийный. – 1918. – № 7. – 14 (27) марта. – С. 15.
10. К подписчикам журнала «Дятел, беспартийный» // Дятел, беспартийный. – 1918. – № 7. – 14 (27) марта. – С. 1.
11. Катаев, М. Как умерли Чудаковы / М. Катаев // Чайка. – 1918. – № 5. – 2 (15) сент. – С. 1–2.
12. Кобзарь, В.П. Ф.И. Чудаков (1888–1918): «Я не писатель. Я – звено великого народа...» / В.П. Кобзарь // Благовещенск. Март 1918 / Отв. ред. А.В. Телюк. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2018. – С. 322–363.
13. Отрывок из письма Ф.И. Чудакова к брату // Дятел, беспартийный. – 1918. – № 7. – 14 (27) марта. – С. 1.
14. П. М. [Пётр Малыхин]. Великая жертва // Светлой памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых: однодневная газета, выпускаемая комитетом по увековечиванию памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых. – 1920. – 28 февр. (ст. ст.). – С. 2.
15. Памяти светлого поэта и его семьи // Амурская жизнь. – 1919. – № 50. – 12 марта. – С. 3.
16. Последнее письмо Ф.И. и В.И. Чудаковых // Дятел, беспартийный. – 1918. – № 7. – 14 (27) марта. – С. 1.
17. Похороны Ф.И. Чудакова // Приамурская жизнь. – 1918. – № 2558. – 10 (23) марта. – С. 2.
18. Светлой памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых: однодневная газета, выпускаемая комитетом по увековечиванию памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых. – 1920. – 28 февр. (ст. ст.).
19. Урманов, А.В. Амурский Саша Чёрный / А.В. Урманов // Филологическая регионалистика. – 2009. – № 1/2. – С. 42–56.
20. Урманов, А.В. Мистер Спик, Мисс Нелли и Жорж д'Артю: история о том, как неизвестное прежде фото помогло раскрыть загадки творчества Ф. Чудакова / А.В. Урманов // Лосевские чтения / Под ред. А.В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2020. – С. 11–37.
21. Урманов, А.В. Пьеса Фёдора Чудакова «Изгнанники (Картины из жизни в ссылке)» в контексте его жизненной и творческой судьбы / А.В. Урманов // Лосевские чтения / Под ред. А.В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 4–13.
22. Урманов, А.В. Функция языковой архаики в фельетонах Ф. Чудакова / А.В. Урманов, Лю Ин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2020. – № 3 (66). – С. 117–128.
23. Ф. Ч. Убитая песня. Набросок / Ф.Ч. // Эхо. – 1914. – № 1576. – 4 (17) апр. – С. 4.
24. Ф. Ч. Верую! / Ф.Ч. // Дятел, беспартийный. – 1918. – № 1. – 14 (27) янв. – С. 1.
25. Ф. Ч. Из книги пророка Иереми / Ф.Ч. // Дятел, беспартийный. – 1918. – № 6. – 18 февр. (3 марта). – С. 2.
26. Ф.И. Чудаков [Некролог] / Ф.Ч. // Приамурская жизнь. – 1918. – № 2557. – (9) 22 марта. – С. 2.

27. Фёдор Ч. В зимовье / Фёдор Ч. // Зея. – 1914. – № 4. – 14 февраля. – С. 2.
28. Фёдор Ч. Из пророка Иеремии / Фёдор Ч. // Эхо. – 1910. – № 599. – 24 окт. (6 нояб.). – С. 3.
29. Фёдор Ч. Степная сказка / Фёдор Ч. // Колочки. – 1909. – № 1. – 8 ноября. – С. 14–15.
30. Федотов, Г. О Св. Духе в природе и культуре / Г. Федотов // Вопросы литературы. – 1990. – № 2. – С. 204–213.
31. Чудаков, Ф. «Чаша страдания допита до дна!..»: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Урманова. – Владивосток: Рубеж, 2016. – 716 с.
32. Чудаков, Ф.И. Избранное: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века: в 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Урманова. – М.: Викмо-М: Русский путь, 2019.
33. Шилов, Н. Памяти друга / Н. Шилов // Голос Родины. – 1920. – 25 марта. – С. 2.
34. Язва. Проводы Весны / Язва // Эхо. – 1911. – Прибавление к № 780. – 12 (25) июня. – С. 2.
35. Язва. Раздавленные / Язва // Эхо. – 1911. – № 927. – 16 (29) декабря. – С. 4.

Текст поступил в редакцию 07.09.2021.

Принят к публикации 31.01.2022.

Опубликован 29.03.2022.

References

1. 100 let nazad v Blagoveshchenske ubil sem'yu i sebya poet i satirik Fedor Chudakov [100 years ago, poet and satirist Fyodor Chudakov killed his family and himself in Blagoveshchensk]. Available at: <https://www.amur.info/news/2018/03/13/135755> (accessed on March 30, 2018) (in Russian).
2. *Amurskaya zhizn'* [Amur life]. 1919, no. 50, March 12, p. 3 (in Russian).
3. Basov M. *Sibirskie ogni* [Siberian lights]. 1922, no. 1, pp. 158–161 (in Russian).
4. Berdyaev N.A. *Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Kniga Publ., 1991, 446 p. (in Russian).
5. *Blagoveshchensk. Mart 1918* [Blagoveshchensk. The March of 1918]. Ed. A.V. Telyuk. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka, 2018, 464 p. (in Russian).
6. *Bosyak. Perezhitoe: stikhi* [The tramp. The experience: poems]. Blagoveshchensk: Tipografiya G.I. Klitchoglu, 1909, 29 p. (in Russian).
7. Chudakov F. "Chasha stradan'ya dopita do dna!..": iz tvorcheskogo naslediya vydayushchegosya satirika nachala XX veka ["The cup of suffering is drunk to the bottom!..": From the creative heritage of an outstanding satirist of the early 20th century]. Ed. A.V. Uрманov. Vladivostok: Rubezh, 2016, 716 p. (in Russian).
8. Chudakov F.I. *Izbrannoe: iz tvorcheskogo naslediya vydayushchegosya satirika nachala XX veka: v 2 t.* [Favorites: From the creative heritage of an outstanding satirist of the beginning of the 20th century: in 2 vols.]. Ed. A.V. Uрманov. Moscow: Vikmo-M: Russkiy put', 2019 (in Russian).
9. *Dyatel, bespartinyy* [Woodpecker, non-partisan]. 1918, no. 1, January 14 (27), p. 1 (in Russian).
10. *Dyatel, bespartinyy* [Woodpecker, non-partisan]. 1918, no. 6, February 18 (March 3), p. 2 (in Russian).
11. *Dyatel, bespartinyy* [Woodpecker, non-partisan]. 1918, no. 7, March 14 (27), p. 15 (in Russian).
12. *Ekho* [Echo]. 1910, no. 599, October 24 (November 6), p. 3 (in Russian).
13. *Ekho* [Echo]. 1911, add. to no. 780, June 12 (25), p. 2 (in Russian).
14. *Ekho* [Echo]. 1911, add. to no. 927, December 16 (29), p. 4 (in Russian).
15. *Ekho* [Echo]. 1913, add. to no. 1287, March 27 (April 9), p. 1 (in Russian).
16. *Ekho* [Echo]. 1913, no. 1400, August 22 (September 4), pp. 3 (in Russian).
17. *Ekho* [Echo]. 1914, no. 1576, April 4 (17), p. 4 (in Russian).
18. Esenin S.A. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collection of works: in 2 vols.]. Moscow: Sov. Rossiya, 1990, vol. 1, pp. 243–249 (in Russian).
19. Fedor Ch. *Kolyuchki* [Thorns]. 1909, no. 1, November 8, pp. 14–15 (in Russian).
20. Fedotov G. *Voprosy literatury* [Issues of literature]. 1990, no. 2, pp. 204–213 (in Russian).
21. K podpischikam zhurnala "Dyatel, bespartinyy". *Dyatel, bespartinyy* [Woodpecker, non-partisan]. 1918, no. 7, March 14 (27), p. 1 (in Russian).
22. Kataev M. *Chaika* [Seagull]. 1918, no. 5, September 2 (15), pp. 1–2 (in Russian).
23. Kobzar' V.P. *Blagoveshchensk. Mart 1918* [Blagoveshchensk. The March of 1918]. Ed. A.V. Telyuk. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka, 2018, pp. 322–363 (in Russian).
24. *Poslednee pis'mo F.I. i V.I. Chudakovykh. Dyatel, bespartinyy* [Woodpecker, non-partisan]. 1918, no. 7, March 14 (27), p. 1 (in Russian).
25. *Priamurskaya zhizn'* [Priamurye Life]. 1918, no. 2558, March 10 (23), p. 2 (in Russian).
26. *Priamurskaya zhizn'* [Priamurye Life]. 1918, no. 2557, March (9) 22, p. 2 (in Russian).
27. Shilov N. *Golos Rodiny* [Voice of the Motherland]. 1920, March 25, p. 2 (in Russian).
28. *Svetloy pamyati F.I. i V.I. Chudakovykh: odnodnevnyaya gazeta, vypuskaemaya komitetom po uvekovechivaniyu pamyati F.I. i V.I. Chudakovykh* [In the Bright Memory of F.I. and V.I. Chudakov: a one-day newspaper published by the Committee for perpetuating the memory of F.I. and V.I. Chudakov]. 1920, February 28, p. 2 (in Russian).

29. *Svetloy pamyati F.I. i V.I. Chudakovykh: odnodnevnyaya gazeta, vypuskaemaya komitetom po uvekovechivaniyu pamyati F.I. i V.I. Chudakovykh* [In the Bright Memory of F.I. and V.I. Chudakov: a one-day newspaper published by the Committee for perpetuating the memory of F.I. and V.I. Chudakov]. 1920, February 28 (in Russian).
30. Urmanov A.V. *Filologicheskaya regionalistika* [Regional studies on Philology]. 2009, no. 1/2, pp. 42–56 (in Russian).
31. Urmanov A.V. *Losevskie chteniya* [Losev readings]. Ed. A.V. Urmanov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2020, pp. 11–37 (in Russian).
32. Urmanov A.V. *Losevskie chteniya* [Losev readings]. Ed. A.V. Urmanov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2016, pp. 4–13 (in Russian).
33. Urmanov A.V., Liu Ying. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology]. 2020, no. 3 (66), pp. 117–128 (in Russian).
34. Zaveschanie F.I. Chudakova. *Dyatel, bespartynnyy* [Woodpecker, non-partisan]. 1918, no. 7, March 14 (27), p. 1 (in Russian).
35. *Zeya*. 1914, no. 4, February 14, p. 2 (in Russian).

Submitted for publication: September 07, 2021.

Accepted for publication: January 31, 2022.

Published: March 29, 2022.